

Оставшиеся ребята переглянулись и понимающе, ядовито усмехнулись.

Ну и что с того, что он взял первое место? Какой толк задирать нос и строить из себя невесть кого? Всё равно его, как и остальных, безжалостно раздавило чужое кумовство.

Чи Фэйжань, разумеется, ни о чём не подозревал. Устроившись в салоне автомобиля, куда его заботливо усадил Ли Юань со своими людьми, юноша прикрыл глаза и откинулся на спинку сиденья, погрузившись в полудрему.

Заметив это, водитель повёл машину с предельной осторожностью. Ещё перед выездом секретарь Хань несколько раз самым строгим тоном напутствовал его: на заднем сиденье — единственный и горячо любимый сын их главного босса. Сдуть с него пылинки! Если с головы юноши упадёт хоть один волос, несдобровать всем.

Автомобиль бесшумно катился по асфальту, направляясь к элитному жилому комплексу — оазису тишины посреди кипящего мегаполиса. На въезде красовалась надпись: виллы «Тяньюнь Фэйжань». Эти четыре иероглифа, выведенные рукой известного мастера каллиграфии, сразу заявляли о статусе места. Охранники здесь щеголяли в безупречно отутюженных костюмах; статные, подтянутые — любого хоть сейчас отправляй на подиум.

Обычно в посёлке царил строжайший пропускной режим: каждую машину досматривали и переписывали до седьмого колена. Но для автомобиля Фэйжана сделали исключение. Едва завидев его издали, дежурный поспешил поднять шлагбаум.

Беспрепятственно миновав пост, они заехали в гараж одного из лучших особняков. Фэйжань приоткрыл глаза лишь тогда, когда двигатель заглох. Опередив водителя, который уже собирался выйти и услужливо распахнуть перед ним дверцу, юноша выбрался сам.

— Спасибо, дядя Пань. Машина мне сегодня больше не понадобится, так что возвращайтесь домой пораньше.

Пань возил молодого господина всего несколько дней, но к вежливому обращению привыкнуть так и не мог — каждый раз от простого «дядя Пань» на душе становилось тепло. Редко встретишь столь богатого наследника, лишённого капризов и высокомерия, да ещё такого на редкость красивого. Юноша очаровывал с первого взгляда.

Старик довольно улыбнулся, дождался, пока юноша скроется за дверью, и только тогда выехал со двора.

Дом внутри оказался великолепен. Никакой кричащей позолоты или помпезности — лишь сдержанная, благородная роскошь и безупречный вкус. Каждая деталь интерьера выдавала тонкое мастерство декоратора. Но главное, всё здесь было обустроено с заботой о Фэйжане, словно угадывая малейшие его предпочтения.

За все семнадцать лет своей жизни Фэйжань ни разу не бывал в Китае, но кто-то загодя и с огромным трепетом подготовил для него это жилье. Первые дни юноша, погружённый в собственные безрадостные думы, почти не смотрел по сторонам. Но теперь, обживаясь, он с удивлением замечал, сколько любви скрывалось за каждым интерьерным решением.

Вместо того чтобы подняться к себе и прилечь, Фэйжань устроился в гостиной поближе к телефону. Ожидание длилось недолго — вскоре аппарат на столике залился негромкой трелью. Юноша невольно улыбнулся и снял трубку.

— Да? — тихо отозвался он.

— Жаньжань! — раздался на том конце провода радостный голос Чи Цзюня. — Это папа. Я сегодня освободился пораньше. Поужинаем вместе?

Стоявший рядом секретарь Хань наблюдал, как его суровый, обычно наводящий трепет босс расплывается в глупейшей улыбке и вдохновенно врёт. В душе помощника раздавался безмолвный вопль: «Нет, этот сентиментальный папаша просто не может быть моим грозным начальником! Это всё какой-то фарс!»

Фэйжань, разумеется, прекрасно понимал, что отец лукавит, но робкая надежда в его голосе заставила сердце сжаться от нежности.

— С удовольствием, — мягко ответил он. — Мне подождать дома или...

— Дома, конечно дома! — торопливо перебил Чи Цзюнь. — Ты сегодня набегался, устал в агентстве. Отдыхай, я сам приеду. Буду мигом! Всё, целую, кладу трубку!

Раздались короткие гудки. Фэйжань удивлённо посмотрел на замолчавшую трубку и тихонько рассмеялся.

Они с отцом никогда по-настоящему не знали друг друга. Родители разошлись, когда Фэйжань был совсем крохой. Сколько он себя помнил, его окружали мама и отчим Эдмонд. А родной отец оставался лишь далёкой тенью, чужим именем из далёкого прошлого.

Решение вернуться в Китай было продиктовано желанием сбежать — от привычного окружения и от человека, смотреть в глаза которому у него не хватало сил. Кто же знал, что это бегство подарит ему встречу с отцом? Мужчина, казавшийся далёким и чужим, все эти годы незримо оберегал его и искренне любил.

Фэйжань забрался на диван с ногами, свернулся калачиком и уткнулся лицом в мягкую подушку, тихо и уютно сопя. Ворот рубашки смялся, аккуратная причёска растрепалась, а одна домашняя туфля соскользнула на пол. В этот миг с него слетела вся напускная серьёзность. Сейчас он выглядел так, как и должен был — обычным семнадцатилетним мальчишкой.

Но вскоре безмятежность улетучилась. Взгляд Фэйжання остекленел, пальцы крепче сжали подушку.

Если отец, с которым они не виделись больше десяти лет, окружил его такой нежностью, то как мог тот, другой человек... тот, кто рос с ним бок о бок и делил каждую минуту жизни, стать его палачом? Неужели всё из-за того, что Эдмонд собирался взять Фэйжання на стажировку в семейную компанию? Неужели он испугался, что лишится наследства? Неужели всё упиралось... в проклятые деньги?

Фэйжань уставился в пустоту. Перед глазами возник образ: вечно бесстрастное, холодное лицо. Юноша всегда верил, что за этой маской скрывается преданное сердце. Тот человек всегда пёкся о нём, у него были такие надёжные, тёплые руки... Они выросли вместе. Они были так близки.

Но ту злосчастную машину подарил именно он. И тот роковой звонок перед самой катастрофой сделал тоже он — потребовал немедленно остановиться. Стоило Фэйжаню нажать на тормоз, как прогремел взрыв. Если это не его рук дело, откуда он мог знать, что в салоне заложена бомба?

Фэйжань отчаянно жаждал узнать истину, услышать ответ из первых уст.

«Это ты устроил? Хотел спасти меня или, наоборот, жаждал увидеть мою смерть?»

Но когда Фэйжань открыл глаза, на дворе стоял его семнадцатый год. Трагедия ещё не свершилась. Судьба сыграла с ним злую шутку: человек, которого он подозревал, сейчас был чист перед законом. Все улики и разгадки стёрлись вместе с перерождением.

Встречаясь с ним взглядом, полным искренней заботы, он не смел вымолвить ни слова, не говоря уж о том, чтобы спросить:

«Ты желал мне гибели? Неужели ты готов был убить меня ради денег?»

И он бежал. Прикрывшись капризом — якобы мечтает стать звездой на исторической родине, поскольку на Западе китайскому актёру ничего не светит.

Фэйжань понимал, насколько малодушно поступает. Но опомнился он лишь на борту самолёта, летящего в Китай. Он мчался без оглядки, даже не собрав толком вещи. Мама и Эдмонд лишь развели руками, решив, что у мальчика начался запоздалый бунт переходного возраста.

Сделав глубокий вдох, Фэйжань попытался успокоить колотящееся сердце. Быть может... когда-нибудь он обретёт душевное равновесие и найдёт в себе силы вернуться. Но сейчас ему просто необходимо побыть в этой спасительной гавани.

Когда Чи Цзюнь переступил порог дома, его взору предстал растрёпанный сын в помятой рубашке. Однако отца это ничуть не смутило — напротив, он прямо-таки просиял. Зная, в какой строгости и аристократичной манере воспитывали Фэйжаня за границей, Чи Цзюнь понимал: мальчик позволяет себе подобную небрежность лишь рядом с теми, кому безгранично доверяет. Ну разве это могло не радовать отцовское сердце?

Поймав ласковый взгляд Чи Цзюня, Фэйжань смутился и торопливо разгладил складки на одежде.

— Па... папа, ты уже пришёл, — тихо проговорил он.

Обращение всё ещё давалось с трудом, но даже эта неловкая, зацепившаяся на губах фраза заставила Чи Цзюня расплыться в ещё более широкой улыбке.

Чи Цзюнь поднял повыше увесистый многоярусный термос.

— Принёс всё, что ты любишь.

Фэйжань тут же забавно потянул носом, изображая крайнее любопытство и зверский аппетит. Видя это, счастливый отец сиял так, словно выиграл главный приз в лотерее, и с воодушевлением принялся расставлять контейнеры на столе.

<http://bllate.org/book/18265/1751477>